УДК 342.3

Е.С. Морозов

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ИДЕАЛ: ПОДХОДЫ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

Анализируются наиболее известные подходы к политико-правовому идеалу, существующие в научном политическом и юридическом сообществе. Предлагается выявление единых критериев наилучшей политико-правовой системы для обеспечения прогрессивного развития государства.

Общество как развивающаяся система всегда нуждается в определении целей и программ. Идеи наилучшей политико-правовой системы формулировались и формулируются каждым государством, причем разные государства могут стремиться к разным наилучшим моделям одновременно. Каждая историческая эпоха сообразно развитию общества оставляла свое понимание такой модели. Правовая мировоззренческая идеология объективируется в программных политических документах, в произведениях и высказываниях идеологов [1. С. 211–212]. Поисками политико-правового идеала занимались многие философы, политологи и юристы [2. С. 36, 55–56, 100–102, 143, 290–293, 350–355; 3. С. 38–49]. Почти каждый представитель государственно-правовой отрасли юридической науки прямо или косвенно, но оставил свое представление о наилучшей политико-правовой системе.

В первую очередь это связано с тем, что существующие политико-правовые конструкции на практике чаще всего были далеки от идеала. Во все времена данное обстоятельство вызывало недовольство как населения политической организации (прежде всего представителей передовой научной мысли своего времени), так и руководства указанной организации, людей, формирующих и нормативно закрепляющих основную идеологию и соответствующие им цели и задачи государства. Так или иначе, на протяжении всей истории существовало разное, но в каждый конкретный момент определенное понимание идеальной политико-правовой системы, и достижение этого идеала становилось целью.

Анализ ряда нормативно-правовых актов и других официальных и неофициальных документов показывает, что сегодня российское государство, как и другие страны, стремится закрепить идеи наилучшей политико-правовой системы в различных документах: «концепциях» по отдельным направлениям правовой политики [4, 5], «доктринах» [6], «программах» [7], «стратегиях» [8] и т.п. Таким образом, с развитием человеческого общества модели наилучшей политико-правовой системы воплощаются на практике (еще Гегель говорил, что «государственный организм есть развитие идеи в ее различия и их объективную действительность» [9. С. 293]).

Возникают следующие вопросы: неужели нет ничего общего между политико-правовыми идеалами различных государств на протяжении всего развития человечества? Неужели государства, стремясь к совершенству, каждый раз предъявляли разные требования к целям наилучшей политико-правовой системы или все-таки существует универсальная модель политико-правового идеала, подходящая для всех государств?

Размышляя о различиях политических организмов, Р. Паунд находит общий элемент, присутствующий во всех государствах, во все времена: «В любом политически организованном обществе в конкретный исторический момент всегда имеет место разнообразие политико-юридических идеалов как целей правового регулирования в силу противоречивых интересов и индивидуальных предпочтений лиц, формулирующих здесь такие идеи. Отсюда ясно, что, хотя в праве всех государств и присутствует идеальный элемент, по содержанию он в каждом подобном социальном организме уникален» [10. С. 385–386].

С другой стороны, Ж.-Ж. Руссо полагал, что «когда спрашивают в общей форме, которое из правлений наилучшее, то задают вопрос неразрешимый, ибо сие есть вопрос неопределенный, или, если угодно, он имеет столько же верных решений, сколько есть возможных комбинаций в абсолютных и относительных положениях народов» [11. С. 199]. Кроме того, Ж.-Ж. Руссо заметил, что «во все времена много спорили о том, которая из форм правления наилучшая, – того не принимая во внимание, что каждая из них наилучшая в одних случаях и худшая в прочих» [11. С. 213].

И Ж.-Ж. Руссо, и многие другие приверженцы анализируемой идеи отдавали себе отчет в том, что политические идеалы должны принимать юридическую форму. Понимали они и логически вытекающую из этого факта необходимость дифференциации содержания права в различных государствах в зависимости от их целей и условий существования. Естественно, что этими учеными были сделаны соответствующие выводы о содержании права. Так, например, Р. Иеринг отмечал, что «как врач не может прописывать всем больным одно и то же средство, а сообразует избираемые им лекарства с состоянием больного, так и право не может всюду создавать одни и те же определения, а должно, напротив, сообразоваться с состоянием народа, степенью его культуры, потребностями времени и, правильнее говоря, даже и не должно, а это само собою делается, это – сам собою слагающийся исторический факт. Идея о том, что право в сущности должно бы быть всюду одно и то же, ничуть не лучше идеи о том, что лечение всех больных должно бы быть одинаково. Универсальное право для всех народов – то же самое, что универсальное лекарство от всех болезней и для всех больных» [12. С. 319]. Такое воззрение – ложное в самом основании своем, как и гармонирующее с ним теоретическое представление, что формула наилучшего государственного устройства – одна и та же для всех государств, независимо от исторической обстановки, в которой они существуют [12. С. 198].

Таким образом, анализируя приведенные позиции политологов и юристов, можно сделать следующие выводы: во-первых, наилучшая политико-правовая система разным людям представляется неодинаково. Так что сколько человеческих индивидуумов, столько

и своеобразных представлений об этой системе. Правда, все при этом ведут речь о политико-правовой системе, понимаемой как независимое политическое общество, где функционирует право; во-вторых, в политически организованном обществе как объекте иерархии целей, проводимых в жизнь общегосударственными руководящими структурами, каждой из множества возможных разных иерархий этого типа будет соответствовать уникальная, т.е. единственная в своем роде, наилучшая политико-правовая система; в-третьих, при одной и той же иерархии целей, реализуемых во всем многообразии отличающихся друг от друга независимых политических обществ, наилучшие политико-правовые системы во всех них будут неодинаковыми. Ведь осуществление одной иерархии целей в разных политически организованных социальных организмах потребует различных политико-правовых средств.

Приведено достаточно аргументов, подтверждающих иллюзорность наилучшей политико-правовой системы, универсальной для всех народов, во всех государствах и во все времена. Наиболее эффективными представляются формулирование общих правил построения, общих требований, предъявляемых к политико-правовому идеалу, и, соответственно, анализ и проектирование идеологий и доктрин через призму указанных правил.

Государство всегда представляет собой человеческое общество на определенной территории, независимое от подобных ему социальных образований, расположенных по соседству с ним или на некотором отдалении. Поэтому закономерности, обязательно присущие любому государству, есть те принципы жизни человеческого общества, при отступлении от которых общество погибает.

О наилучшей политико-правовой системе можно вести речь, только если она способна существовать вообще. Следовательно, во всех моделях наилучшей политико-правовой системы должно быть обеспечено функционирование закономерностей, без которых существование любого независимого политического общества, где действует право, невозможно. Так что иерархия целей общеполитийных руководящих структур в наилучшей политико-правовой системе должна быть совместима с этими закономерностями. Средства и способы реализации выделенных целей также должны быть совместимыми с этими закономерностями, а сама проектируемая модель и рассматриваемые закономерности не должны противоречить друг другу. Юридическая наука дает нам ответ на этот вопрос в работах Р. Паунда, Р. Иеринга и некоторых других.

К основным закономерностям существования государства следует отнести выполнение людьми трудовой деятельности [13. С. 13]. Если члены государственно-организованного общества прекратят вырабатывать продукты, нужные для их жизнеобеспечения, то очень скоро существование этих человеческих индивидов и образованного ими государства прекратится. Вот почему Дюги отмечал: «На государстве лежит долг издавать законы, делающие для всех труд обязательным, – не труд в какой-нибудь определенной форме, а как таковой. Недопустимо, чтобы член общественного целого ничего не делал, и недопустимо, чтобы государство не обязало его делать что-либо» [14. С. 675].

Отсюда вытекает, что государству необходимо поставить его трудоспособных граждан в такие условия, чтобы они не могли существовать без труда. Например, по свидетельству Ш. Монтескье, подобным образом поступил английский король Генрих VIII. Этот монарх, желая преобразовать церковь в своей стране, «разогнал монахов, которые, будучи сами ленивы, поддерживали леность и в других: благодаря соблюдаемому ими гостеприимству бесчисленное множество праздных людей, дворян и горожан, проводило жизнь в скитаниях из одного монастыря в другой. Он уничтожил также и богадельни, где простой народ находил средства к существованию, подобно тому как дворяне находили их в монастырях. После этого преобразования в Англии водворился дух торговли и промышленности» [15. С. 529].

Немедленный регресс и гибель в ближайшей перспективе ждут политическое тело и при отказе составляющих его лиц от совместной деятельности. Такое заключение логически неизбежно, ибо при указанном положении дел прекратит существование система разделения и кооперации человеческого труда [13]. Здесь уместно привести позицию Аристотеля, который формулирует свое представление о наилучшем справедливом обществе так: «…каждый его трудоспособный член равен всем остальным способным в работе в том, что потребляет вместе со своей семьей столько жизненных благ, сколько производит сам, не живя за счет других способных к труду людей и не позволяя им жить за свой счет» [16. С. 85–94].

При несоблюдении закономерности совместной деятельности прервутся общественные усилия по воспитанию и образованию подрастающего поколения, по лечению больных и материальной поддержке нетрудоспособных. Кроме того, человеческое общество в границах государства не сможет воспроизводить себя физически, обеспечивая рождение людей, восполняющих естественные потери – населения политического тела из-за смерти от старости, болезней и по другим причинам [12. С. 329].

Следует отметить, что при стимулировании и поддержке данного политико-правового идеала государство может добиться наискорейшей собственной эффективности. В последние десятилетия самые грандиозные идеологические преобразования происходят в Азии. Таких темпов экономического развития, каких добились не только Япония или Корея, но и Сингапур, Тайвань, Малайзия и другие государства Азиатского континента, мир прежде не видывал [17]. Тех показателей роста, на которые западному миру понадобились многие и многие десятилетия, эти быстрорастущие страны достигли за считанные годы. Так, на рубеже XXI столетия власти Сингапура предприняли новые усилия для того, чтобы восстановить темпы экономического роста и решить демографические проблемы страны. В 1999 г. правительство при финансовой помощи США развернуло кампанию по развитию образования, с тем чтобы подготовить квалифицированную рабочую силу в области информатики и биотехнологий. В 2001 г. введены в действие меры по поощрению рождаемости [17].

Для воспроизводства себе подобных, а также для выработки материальных и духовных благ человеческим

индивидам обязательно нужен мир в рамках сферы, где они интенсивно общаются, т.е. в пределах территории государства. Единственным же путем достижения этой цели является выделение из составляющих государство лиц некоторой части, образующей систему государственных органов. Она призвана обеспечивать мирное взаимодействие членов государственного общежития посредством общеобязательного нормативного регулирования их поведения, что включает формулирование государственным аппаратом системы правовых норм и гарантирование им реализации юридических установлений, в том числе принудительной [18. С. 152–170]. Согласно Августину, государство – создание человеческое… оно создано насилием, держится принуждением: «При отсутствии справедливости что такое государства, как не большие разбойничьи шайки, так же как и самые разбойничьи шайки что такое, как не государства в миниатюре» [19].

Причем право на физическое принуждение в границах политического тела должно принадлежать только системе государственных органов, а не каким-либо иным внутригосударственным объединениям, которым неизменно следует находиться под властью государственного аппарата [12. С. 236–237]. Лишь при этом условии государство оказывается тем, чем оно призвано быть по самой своей сути, а именно замиренным пространством, где только и может нормально протекать человеческая жизнь [18. С. 192–197].

Обеспечение указанных закономерностей политико-правовой системы правовым регулированием также необходимо для существования политического организма, и следует обозначить требования к содержанию идеала юридической формы.

Некоторые ответы нам дает Лон Фуллер, утверждавший, что направлять и контролировать человеческую деятельность – это генеральная цель правовой системы. Но при этом Фуллер формулирует и другие, более конкретные, частные цели. Он называет их процедурными или процессуальными и полагает, что без их реализации правовая система не может существовать и достигать своей генеральной цели. Все разновидности статутного права должны отвечать следующим требованиям: они должны носить общий характер; быть обнародованными; не иметь обратной силы; быть ясными, свободными от противоречий; достаточно стабильными; не требовать невозможного, а реализация их должна соответствовать содержанию, т.е. целям и средствам, заложенным в данной норме [20. С. 122–133]. Указанные требования нельзя не учитывать при анализе общих правил построения политико-правового идеала, ведь система права должна соответствовать тем целям, которые ставит государство.

Если в наилучшей политико-правовой системе ставится цель обеспечить общественный прогресс, то такая модель должна быть совместима с двумя критериями рассматриваемого прогресса. Во-первых, человек во все большей степени должен господствовать над своей собственной природой. Во-вторых, независимое политическое общество, где действует право, должно все в большей мере контролировать внешнюю природу.

Так, говоря о цивилизации, Р. Паунд отмечал, что она предполагает «все более и более полное развитие человеческих сил». При этом целью выступает достижение людьми максимально возможного контроля над внешней по отношению к ним или физической природой и над своей собственной внутренней природой. В частности, «цивилизация основывается на подавлении» людьми «произвольного, упрямого отстаивания своих притязаний и на замене его благоразумием». Области уже приобретенного реального контроля человечества в указанных сферах есть «две стороны цивилизации». Они взаимосвязаны. Так, без достигнутого человечеством контроля над своей внутренней природой люди «смогли бы сделать мало для завоевания внешней природы». Вместе с тем «без контроля над физической природой, который оказался установлен, не было бы возможным для громадных коллективов людей, занимающих сейчас землю, содержать самих себя» и поэтому иметь материальные условия для совершенствования собственной природы [10. С. 375–376].

Политические идеи, которые несовместимы с прогрессом государственной организации, а также со всем тем, что необходимо для существования человеческого общества могут быть названы «мятежными» [21. С. 254] или подрывными. Любой политический идеал либо план, включающий эти идеи, навредит или, в лучшем случае, не принесет пользы государству, где будет сделана попытка его реализовать. Причем сама такая попытка, предполагающая юридическое закрепление подобных идей, неизбежно вызовет к жизни подрывные юридические нормы. Их следует искоренять из всякой системы права.

Правовой регресс является понятием, противоположным «правовому прогрессу», отражает движение назад, вспять, обратное направление как всей правовой жизни, так и негативные изменения отдельных правовых явлений [22. С. 131–132]. К подрывным политическим идеям в указанном смысле слова, прежде всего, относятся анархистские концепции, которые предполагают распад современных высокоразвитых государств [23. С. 297–396]. Для анархизма общество – не набор индивидов, но объединения людей, которые в своем естественном состоянии равны между собой. Правительство и власть развращают такие объединения и ведут к угнетению и отчуждению.

Крайний пример проповеди анархизма присутствует, в частности, в работе Ницше «Так говорил Заратустра». Как известно, в этом сочинении пропагандируется идея о самороспуске людьми государственной организации и ставится цель расселить бывших граждан государства поодиночке либо парами как отшельников, не имеющих отношений с человеческими индивидами за пределами своих мест отшельничества: «Свободных много еще мест для одиноких и для тех, кто одиночествует вдвоем, где веет благоухание тихих морей. Еще свободной стоит для великих душ свободная жизнь. Поистине, кто обладает малым, тот будет тем меньше обладаем: хвала малой бедности! Там, где кончается государство, и начинается человек, не являющийся лишним… Туда, где кончается государство, – туда смотрите, братья мои!» [24].

Вред от такой дезорганизации очевиден, поскольку в результате будут утрачены выгоды, извлекаемые людьми из сложной системы разделения и кооперации труда. В силу этого неизбежно сузится сама система

удовлетворяемых человеческих нужд и понизится степень их удовлетворения по сравнению с положением, которое характерно для государств, разлагаемых анархистскими теориями [23. С. 297–396].

В политологии присутствует теоретическое представление о том, что система государственных органов не должна проводить в жизнь какой-либо идеологии [25. С. 6–7]. Например, Л. Дюги некогда отмечал, что государство не должно иметь своей собственной доктрины, ему следует все идеологии уважать и охранять [14. С. 799–800].

С таким заявлением согласиться нельзя. Государство, действуя через свои политические учреждения, в целях самосохранения и обеспечения собственного прогресса должно бороться со всеми теми теоретическими представлениями, которые ранее были определены как подрывные. Так, в условиях многонационального государства являются безусловно подрывными идеи, объявляющие неполноценными одну или несколько этнических групп его населения по сравнению с основной нацией.

Конечно же, не будем забывать о подрывных идеях фашизма, которые в принципе отвергают необходимость мира в рамках сферы, где люди интенсивно общаются, т.е. в пределах территории государства. В работе «Доктрина фашизма» Б. Муссолини рассуждает так: «…чем больше фашизм рассматривает и анализирует будущее и развитие человечества, отвлекаясь от политических сиюминутных моментов, тем больше не верит он ни в возможность, ни в полезность вечного мира. Тем самым он отрекается от доктрины пацифизма – поддерживать отказ от борьбы и трусить перед лицом жертвы. Война – единственное, что поднимает на высшую ступень всю человеческую энергию и отмечает печатью благородства людей, имеющих мужество встретить ее. Все остальные испытания лишь суррогаты, которые никогда реально не ставят людей в такую ситуацию, когда они вынуждены принимать великое решение – альтернативу жизни или смерти. Поэтому учение, основанное на этом вредном постулате мира, враждебно фашизму» [26. С. 664–665].

Теоретическое положение о необходимости борьбы государства с подрывными политическими идеями, особенно порождающими вражду среди членов государственного общежития, весьма актуально в условиях российской политической действительности. В частности, чтобы быть мощным и процветающим государством, Россия в лице системы государственных органов не должна делить своих граждан на людей первого и второго сорта по любому критерию, например на полноправных коренных жителей и нежеланных пришельцев, поддерживая либо относясь безразлично к политическим лозунгам типа «Россия для русских» и т.п. Вместо этого Россия призвана сплачивать весь человеческий материал, волею судеб оказавшийся на ее территории, в единый коллектив, гармоничное содружество всех членов которого обеспечит ее прогресс.

Для России к «мятежным» идеям относятся тезисы политической программы партии национал-большевиков: «Пункт 1. Сущность националбольшевизма – испепеляющая ненависть к античеловеческой системе троицы: либерализма/демократии/капитализма. Человек восстания, национал-большевик видит свою миссию в разрушении системы до основания. На идеалах духовной мужественности, социальной и национальной справедливости будет построено традиционалистическое, иерархическое общество» [27].

Безусловно регрессивными являются следующие положения программы национал-большевиков: «Пункт 4. Придя к власти, Национал-большевистская партия произведет революционные по своим масштабам преобразования в России, построит ТОТАЛЬНОЕ ГОСУ-ДАРСТВО, права человека уступят место правам нации. Внутри страны будет установлен железный русский порядок, климат дисциплины, воинственности и трудолюбия. <…> Пункт 21. Разгромим преступный мир. Лучшие его представители пойдут на службу нации и государства. Остальные будут уничтожены военными методами» [27]. Налицо откровенный призыв к разжиганию гражданской войны и дискриминация по национальному признаку. Сама такая попытка, предполагающая юридическое закрепление подобных идей, неизбежно вызовет к жизни подрывные юридические нормы. Их следует искоренять из всякой системы права.

Если Россия хочет самосохраняться и прогрессировать, то модель наилучшей политико-правовой системы в России должна быть совместимой с обязательными закономерностями функционирования любого государства и с закономерностями прогресса любого государства. Именно модель наилучшей политико-правовой системы в современной России, отвечающую этим обязательным условиям, необходимо утвердить сначала в общественном мнении, затем в формальных источниках права и, наконец, последовательно проводить соответствующие нормы в жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права: В 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1.
2. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М.: Наука, 1991.
3. *Дробышевский С.А.* Классические идеи о государстве, праве и политике. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1999.
4. *Указ* Президента РФ от 15 июня 1996 г. «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации», утвержденная СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 3010.
5. *Постановление* Правительства РФ от 10 августа 1998 г. «Концепция государственной политики в области здорового питания населения Российской Федерации на период до 2005 года» // Российская газета. 1998. 8 сент.
6. *Указ* Президента РФ от 13 июня 1996 г. «О доктрине развития российской науки» // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 3005.
7. *Программа* Правительства РФ «Двенадцать дел Правительства России на 1998 год в области экономической и социальной политики», утвержденная Президентом РФ // Российская газета. 1998. 28 янв.
8. *Заявление* Правительства РФ и Центрального Банка РФ от 22 февраля 1996 г. «О среднесрочной стратегии и экономической политике на 1996 год» // Вестник Банка России. 1996. № 11.
9. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990.
10. *Дробышевский С.А.* История политических и правовых учений: основные классические идеи. М.: Юристъ, 2003.

11. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969.
12. *Иеринг Р.* Цель в праве. СПб.: Касимов, 1881. Т. 1.
13. *Дробышеский С.А.* Научная мысль в поисках наилучшей политико-правовой системы: Учеб. пособие // С.А. Дробышевский, Т.В. Будилина. Красноярск, 2000.
14. *Дюги Л.* Конституционное право: Общая теория государства. М.: Наука, 1908.
15. *Монтескье Ш.* Избр. произв. М.: Наука, 1955.
16. *Аристотель.* Этика. СПб.: ЭСТ, 1908.
17. *Герасимов С.* Диалектика демократии: Обзор Центральной Азии. 14 июля 2005 г. // http://www.c-asia.org/analit/index.php?cont=long&id=4419&year=2005&today=14&month=07 (2006. 10 сент.).
18. *Августин Блаженный.* О Граде Божием: Философская библиотека средневековья // http://antology.rchgi.spb.ru/Sanctus_Aurelius_Augustinus/City.html (2006. 2 сент.).
19. *Гоббс Т.* Избранные произведения. М.: Наука, 1964. Т. 2.
20. *Fuller L.* The Morality of Law. New Haven, 1964.
21. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Соцэкгиз, 1936.
22. *Барсуков А.Ю.* Правовой прогресс как юридическая категория: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
23. *Кропоткин П.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Политика, 1990.
24. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // http://www.lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt (2006. 12 сент.)
25. *Sargent L.T.* Contemporary Political Ideologies: A Comparative Analysis. Chicago, 1987.
26. *Мухаев Р.Т.* Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. М.: Юридическая литература, 2000.
27. *Программа* Национал-большевистской партии Российской Федерации // http://nbp-info.ru/new/partia/programm2.html (2005. 6 окт.)

Статья поступила в редакцию журнала 4 декабря 2006 г., принята к печати 11 декабря 2006 г.